

П. Финке

**ОБ “АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ” А. ИЛЬХАМОВА**

Статья Ильхамова “Археология узбекской идентичности” представляет собой попытку описать создание, главным образом в советское время, узбекской нации и узбекской идентичности из предшествующих им групп и идентичностей. При этом автор занимает позицию, очевидно, противостоящую распространенному взгляду, что нации развиваются естественно из более ранних этнических и племенных единиц, постепенно достигая зрелости, и что этот процесс и составляет, собственно, часть их существования. В то же время он не разделяет “радикальной” конструктивистской позиции, подчеркивая ту роль, которую сыграли “действительно существовавшие” досоветские этнические или социальные группы в нациестроительстве.

В этом комментарии будет сделан упор на антропологические аспекты статьи и ее теоретические импликации. Многое можно сказать также о теоретических концепциях и их слабостях, однако об этом могут сказать другие, лучше для этого подготовленные участники дискуссии.

Линия рассуждения Ильхамова включает в себя три тесно связанные части. В первой утверждается, что современные узбеки были сформированы из трех отдельных этнических или социальных сообществ, которые на протяжении веков отчасти смешались, однако все еще оставались узнаваемыми и самостоятельными к началу XX в. Во второй части, в развитии предыдущего тезиса, автор определяет нациестроительство как в основном политический процесс, инициированный советской элитой и проведенный местными интеллектуалами. Третьей темой, ставшей теоретическим заключением предыдущих, стало скептическое отношение к телеологическому объяснению любого национального развития, как если бы этнические или племенные группы различного происхождения уже при рождении только и ждут своего объединения.

Тремя сообществами, о которых идет речь, являются: а) племена кипчаков, сопровождавшие Мухаммеда Шейбани при его покорении Мавераннахра; б) более ранние тюркские племена (говорившие на огузском и карлукском языках), с которыми столкнулись завоеватели; и в) сарты, или давно обосновавшееся здесь оседлое население, говорившее либо на тюркских, либо на персидском языках. Ильхамов уделяет особое внимание третьей группе – сартам, очевидно потому, что она остается наиболее спорной из трех. Возможно, что мы никогда не узнаем полной правды о сартах, и я не вполне убежден, что какая-то из приведенных в тексте интеллектуальных позиций отражает соответствующую идентичность городских или сельских групп населения в трех ханствах¹.

Разумеется, что это описание узбеков как состоящих из трех перечисленных компонентов, не является первым². Однако, как мне кажется, особый упор, не без причины сделанный на сартах, представляется весьма уникальным. Ясно, что при создании новой нации они сыграли особо значимую роль из-за оседлого образа жизни, который должен был стать ключевой характеристикой “узбекскости”, противопоставляемой другим тюркским группам региона. Ясно также, что они представляли самую многочисленную группу будущих узбеков, независимо от конкретных самоназваний, которыми они пользовались на местном уровне. В генетическом отношении сегодняшние узбеки являются в гораздо большей степени потомками сартов, чем узбеков-кипчаков.

Конечно, реальный этногенез узбеков был, по всей видимости, значительно сложнее, с внутренними процессами смешения между этими тремя слоями, как и с поглощением частей других соседствующих групп, таких как казахи, киргизы, турк-

Петер Финке (Finke) – сотрудник Института социальной антропологии Макса Планка (Германия).

мены и др. Однако основное разделение между этими тремя элементами подтверждается современными этнографическими материалами. Элементы, составляющие современных узбеков, остаются узнаваемыми до некоторой степени и сегодня, и в каждой местности создают особые этнические конфигурации за счет смешений с местными группами³.

Утверждение о политической природе процессов нацистроительства – относительно новый взгляд, однако его разделяли многие специалисты и прежде⁴. Среди исследователей национализма, но, разумеется, не среди его приверженцев, утверждение о том, что все нации являются искусственными и изобретенными, уже давно стало общим местом. Само существование наций сопряжено с их соответствием политическим границам, которые зачастую являются продуктом исторических случайностей, и поэтому нации вряд ли могут рассматриваться как продукт естественной эволюции. Совпадение с культурными границами может стать результатом, но никогда не служит основанием этого процесса. Культурные символы, включая литературные языки, национальных героев и тому подобное адаптируются и манипулируются в этом процессе для создания чувства единства среди разнообразных групп населения. Это именно то, что описано Ильхамовым в рассматриваемой статье применительно к узбекам. Произвольный выбор отдельного диалекта в качестве основы для создания литературного языка – классический пример процесса такого рода (весьма успешный в рассматриваемом случае, поскольку люди сегодня уверены, что это и есть “чистейший” узбекский). Решения по поводу национальных границ и символов всегда представляют собой сложный процесс согласования интересов различных групп, как и описано в статье. Выигрыши чагатаев у кипчаков, или Тимуридов у Шейбанидов зависели от конкретной конфигурации власти и идеологии среди интеллектуалов в начале XX в. как в регионе, ставшим впоследствии Узбекистаном, так и в Москве.

Узбеки не представляют собой особый случай и в том отношении, что их история, интерпретируемая с национальной точки зрения, выглядит как неизбежный путь к современному положению. Согласно этой интерпретации, все прежние этничности были просто протоузбекскими, независимо от факта, что сами их носители об этом не знали. Все они были обречены однажды стать узбеками. Сегодня людям трудно представить, что если бы советские власти в 1920-е годы решили назвать вновь сформированную нацию “тюрьками” или “сартами”, это стало бы сегодня общепринятой терминологией, а все прежние идентичности выступали бы, соответственно, как прототюрки или протосарты.

Любое описание национальной истории во всем мире представляет собой сходную картину. Как однажды остроумно заметил Э. Ренан, “фальсификация истории лежит в самой основе любой нации”⁵. Сегодняшняя немецкая история выглядит как четкая и неизбежная линия, идущая от разных племен, сражавшихся с римлянами (и с прочим миром), к Карлу Великому, Фридриху I и Бисмарку и в конечном счете к ФРГ. Нет ни слова о том, что длительное время во главе Германской империи находились “австрийцы”, или о том, что Карл Великий принадлежит и французской истории. Вся история, рассматриваемая ретроспективно, всегда является оправданием того, что затем возникает. Похожее утверждалось относительно всех европейских и неевропейских наций-государств.

В своем комментарии к статье “Археология узбекской идентичности” я хочу обратить внимание на три вопроса. Это вопросы определений, или терминологии, теоретических импликаций статьи и исторических или политических аспектов этнических идентичностей. Первый из них представляется мне особенно важным. Вряд ли вообще имеет смысл начинать обсуждение до уяснения того, что мы, собственно, имеем в виду, когда говорим о “нациях” или “этнических группах”. В большей части западных исследований национализма термин “нация”, например, тесно связан с идеей государства. Это либо группа, которая определяет или доминирует в государстве

(как русские или немцы), или группа, которая стремится к этому (как курдские или шотландские националисты). С данной точки зрения “нации” в Центральной Азии, по определению, могли возникнуть лишь с возникновением Советского Союза, если мы признаем, что у советских республик имелись некоторые протогосударственные черты. До этого времени в регионе вряд ли существовало движение за независимость или государственность на этнической основе. Однако если указанный термин используется в ином смысле, как это бывает у исследователей и на западе и на востоке, то и ответ будет иным, и в данном случае не существует способа выбора более или менее верного ответа.

Еще более проблематично в этом контексте – определение термина “этническая группа”. Традиционное употребление данного термина основывается на мысли, что это – главным образом самовоспроизводящаяся социальная группа с особыми культурными характеристиками (как, например, язык, религия и т.д.). Однако ее применение к конкретным случаям оказалось сложным, и в силу этого в работах по этничности все более распространенной стала мысль, что в основе этнических групп лежит тот факт, что их члены полагают друг друга подобными, независимо ни от каких “объективных” черт. Культурные различия, согласно Ф. Барту, важны не сами по себе, а в силу того, что они структурируют границы и взаимодействие⁶. И хотя мы принимаем этнические группы в досоветских и догосударственных ситуациях за данность, антропологическая литература по Африке демонстрирует, что во многих случаях они были изобретены колониальными властями для совершенствования управления⁷.

Однако до сегодняшнего дня не было предложено удовлетворительного определения, отличающего этнические группы от других групп, также базирующихся на самоопределении (как, например, многие религиозные группы). Если самоопределение – основа этнической идентичности, то кто может утверждать, что быть курдом или узбеком – это этническое, в то время как алавитом или мормоном – нет. С этой точки зрения представляется почти невозможным утверждать, когда группы в Центральной Азии стали этническими. Если мы ограничим использование термина территориальными или иначе определяемыми социальными группами с большими размерами, которые выходят за рамки племенных или общинных границ и связаны, или полагают себя связанными общей культурой, то в этом случае называть узбеков этнической группой в досоветские времена было бы неверно, в то время как казахов можно было бы считать таковой еще в XIX столетии.

Дискуссии в исследованиях этничности долгое время концентрировались вокруг различий между примордиалистскими и ситуационными подходами. Большинство авторов относит советскую теорию этноса к первым, в то время как сам Ильхамов, очевидно, предпочитает относиться ко вторым. Иной вопрос, все ли ситуационисты с этим согласятся. Как уже упоминалось, рассматриваемая статья, вероятно, не соответствует более радикальным деконструктивистским подходам в социальных науках. Ильхамов все-таки считает, что сарты, кипчаки и другие группы обладают реальностью за рамками чисто дискурсивных значений и что эта реальность до известной степени продолжается, хотя советское националистство было вполне успешным в подчинении их общеузбекской идентичности.

Очевидно, уже ясно, что я весьма симпатизирую такому подходу. Любая социальная группа представляет социальную реальность не столько в терминах четко определенной совокупности людей, сколько как набор культурных восприятий и институтов, которые индивиды в разной степени разделяют. Поскольку мы проходим социализацию внутри, а не вне этих рамок, эти модели передаются из поколения в поколение. Однако в каждом из периодов какие-то элементы теряются и приобретаются, так что группа неизбежно становится иной, чем прежде. Эти изменения ни в коем случае не являются частью великого плана, который определил итоговую эволюцию узбеков или любой другой группы. Результатом этого и других этногенезов, ко-

торый, по существу, непредсказуем, становится, скорее, сочетание экономических трансформаций и исторических случайностей. В любой момент истории конфигурация затрагиваемых групп могла бы быть иной, и тогда сегодня не было бы узбекской нации (как нет сегодня чагатайской, карлукской, или караханидской наций).

В заключение можно отметить, что политические процессы имели фундаментальное значение для эволюции различных этнических и национальных групп в Центральной Азии. Нация, по определению, представляет собой группу, или имеющую собственное государство, или стремящуюся его иметь. Таким образом, создание наций – политический процесс. Их границы и содержание должны обладать смыслом для определенной территориальной общности. Пантюркизм им не обладал. Это отличало его от других подобных паннациональных движений, таких как арабский национализм. Языковые и культурные различия среди разных тюркских групп едва ли являются большими, чем в арабском мире, но политические и географические факторы работали против этого единства в случае тюркских групп.

В случае узбеков советская и местная интеллигенция по какой-то причине решила объединить большинство оседлых групп, которые были тюркоязычны или двуязычны, в одну национальную группу. Границы могли быть и иными. Можно было бы сформировать чагатайско-таджикскую группу, а говорящих на кипчакском языке объединить с казахами и киргизами в другую общность. Это имело, однако, меньший смысл в территориальном, а не в культурном отношении. Сегодняшние узбеки представляли удобное объединение, поскольку из этих групп было легче сформировать субнациональную общность, а не потому, что они уже находились на пути к тому результату, который мы видим сегодня. Это, как мне представляется, выражено в статье Ильхамова вполне ясно. Равным образом становится ясным и то обстоятельство, что вопреки попыткам деконструкции узбекской идентичности вплоть до ее отрицания, некоторые культурные модели и границы идентичности могут оставаться стабильными на протяжении веков вопреки внешним условиям, которые им не благоприятствуют. Я полагаю, что эта осторожная позиция между примордиалистскими и радикально деконструктивистскими моделями превращает статью в интересный повод для дискуссии.

Примечания

¹ Я полагаю, что мы до сих пор не знаем, существовала ли значительная группа людей, которые так себя именовали. Я также скептически отношусь к утверждению, что термин использовался по отношению к горожанам. Приведенные в статье Ильхамова цифры также не подтверждают этого!

² См.: *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976; *Baldauf I.* Some Thoughts on the Making of the Uzbek Nation // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1991. Vol. XXXII (1). Janvier-mars.

³ Я разделяю скептическое отношение А. Ильхамова к племенным моделям узбеков. Различия в цифрах, о которых он говорит, разумеется, не удивляют, поскольку обнаруживаются у любого племенного общества на Ближнем Востоке или в Центральной Азии. Это обусловлено тем, что слияния и разделения различных племен представляют собой скорее норму, чем что-то необычное. В отличие от других племенных моделей, узбекские племена оказываются не связанными друг с другом и не обнаруживают никаких признаков внутренней дифференциации по генеалогическим линиям.

⁴ См.: *Gellner E.* *Nation and Nationalism*. Ithaca, 1983; *Anderson B.* *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., 1983; *Hobsbawm E.J.* *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge, 1990.

⁵ См.: *Renan E.* *What Is a Nation // Becoming National. A Reader* / Ed. G. Eley, R.G. Suny. New York; Oxford, 1996.

⁶ См.: *Barth F.* *Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*. Bergen-Oslo; London, 1969.

⁷ Cp. Elwert.